

МАЛАХОВА ОЛЬГА ВАЛЕРЬЕВНА

АГРЕССИЯ КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ
ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ И
НАЦИОНАЛЬНОМУ УГОЛОВНОМУ ПРАВУ

Специальность 12.00.08 - уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Диссертация выполнена на кафедре уголовного права
Ставропольского государственного университета

Научный руководитель доктор юридических наук, доцент
Блинников Валерий Анатольевич

Официальные оппоненты: доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ
Козаченко Иван Яковлевич

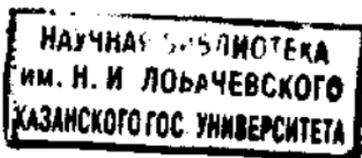
кандидат юридических наук
Ображиев Константин Викторович

Ведущая организация: **Ростовский юридический институт
МВД России**

Защита диссертации состоится 25 октября 2003 года в 14 часов на заседании Диссертационного совета КМ 212.256.03 при Ставропольском государственном университете по адресу: 355009 Ставрополь, ул. Пушкина 1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Ставропольского государственного университета.

Автореферат разослан 25 сентября 2003 года.

Ученый секретарь
Диссертационного совета КМ 212.256.03
кандидат юридических наук, доцент

A stylized handwritten signature in black ink, consisting of several loops and a long horizontal stroke.

Т.И. Демченко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Общеизвестно, что среди целей Организации Объединенных Наций на первом месте стоит цель поддержания международного мира и безопасности, во имя которой государства обязались принимать «эффективные меры» для предотвращения и устранения угрозы миру и «подавления актов агрессии» (ст. 1 Устава ООН).

Безусловно, что одной из таких «мер» является не только введение запрета на ведение агрессивных войн, но и установление уголовной ответственности лиц, планирующих, развязывающих и ведущих агрессивную войну.

Однако, понимание агрессии как международного преступления против всеобщего мира было и остается неоднозначным. Одним из самых острых вопросов международного уголовного права является определение агрессии не просто как международного преступления, а как преступления против мира, за совершение которого ответственность несут индивидуально определенные лица. Недаром даже в Римском Статуте Международного уголовного суда не содержится дефиниции признаков агрессии как уголовно наказуемого деяния.

В силу конституционного приоритета принципов и норм международного права над внутригосударственным правом, национальное уголовное законодательство многих развитых стран ставит в качестве приоритетной задачу защиты глобальных ценностей - ценностей, принадлежащих всему человечеству в целом. Основными такими ценностями является обеспечение мира и безопасности всего человечества. Для России же такая постановка вопроса является сравнительно новой (только в УК РФ 1996 года появились нормы, определяющие преступность актов международной агрессии), что порождает массу трудностей в понимании юридических признаков состава агрессии в отечественном уголовном законе.

В теории уголовного права отмечается, что 34 глава УК РФ «Преступления против мира и безопасности человечества» является результатом имплементации положений международного права. В связи с этим весьма актуальной видится также решение проблемы соотношения международно-правовых норм об уголовной ответственности за акты агрессии (а преступность этого деяния впервые сформулирована как раз в нормах международного права)⁵ и ч. 4 ст. 14 УК РФ «Положений национального уголовного законодательства».

В отечественной доктрине уголовного права отсутствует единство в понимании юридических признаков составов преступлений, предусмотренных

ст.ст. 353,354 УК РФ. Не получила однозначного решения проблема понимания международного мира как объекта национальной уголовно-правовой охраны.

Это лишь небольшой перечень проблем определения преступности агрессии по УК РФ, возникающих в связи с введением в российское законодательство главы о преступлениях против мира и безопасности человечества, в целом, и определения преступности актов международной агрессии - в частности.

В отечественной науке до сих пор нет специального исследования, посвященного уголовно-правовому значению преступлений, расцениваемых как агрессия (агрессивная война) - в имеющихся работах общеуголовного плана обычно содержится традиционный анализ признаков составов, содержащихся в ст.ст. 353, 354 УК РФ (при этом комментаторы как правило констатируют бланкетный характер указанных норм и ограничиваются простой отсылкой к источникам международного права).

Поэтому тема, посвященная изучению уголовной ответственности за совершение актов агрессии как по международному уголовному праву, так и по национальному уголовному праву, представляется весьма актуальной и необходимой для проведения специального диссертационного исследования.

Цели и задачи исследования. Целью данной работы является исследование юридического значения состава агрессии в международном уголовном праве, а также составов планирования, подготовки, развязывания или ведения агрессивной войны; публичных призывов к развязыванию агрессивной войны в национальном Уголовном законодательстве России. Также в качестве цели исследования выступает изучение соответствия национального уголовного права предписаниям международного права в плане определения преступности агрессии.

Кроме того, в качестве цели выступает детальный анализ объективных и субъективных признаков преступлений, предусмотренных ст.ст. 353 и 354 УК РФ.

Достижение указанных целей возможно путем решения следующих **задач**:
1) теоретическое обоснование социально-исторической обусловленности уголовной ответственности за агрессию в международном и национальном уголовном праве;

2) обоснование приоритета международно-правовых норм в регламентации оснований и пределов ответственности за совершение актов агрессии;

3) сравнительно-правовой анализ соответствующих норм в международном и российском уголовном праве;

4) сравнительно-правовой анализ национальных уголовно-правовых норм, определяющих преступность агрессии в уголовном праве различных государств;

5) изучение объективных и субъективных признаков составов преступлений, предусмотренных в ст.ст. 353,354 УК РФ;

6) разработка предложений по совершенствованию юридического определения агрессии как преступления против мира и безопасности человечества по международному и национальному уголовному праву.

Объектом такого исследования являются общественные отношения и интересы, связанные с установлением и возможностью реализации уголовной ответственности за совершение актов агрессии по международному и национальному уголовному праву.

В качестве **методологической основы** проводимого исследования выступают логико-правовой, сравнительно-правовой, историко-правовой, системно-структурный, социологический и некоторые другие методы.

При проведении диссертационного исследования широко использовались научные исследования отечественных и зарубежных авторов в области международного права, уголовного права, общей теории права.

При этом надо особо выделить труды следующих отечественных и зарубежных ученых: Б. Анцилотти, И.П. Блищенко, И.И. Карпец, А.Г. Кибальник, Н.И. Костенко, В.Н. Кудрявцев, И.А. Ледах, И.И. Лукашук, Р.А. Мюллерсон, А.В. Наумов, А.А. Пионтковский, А.И. Полторак, Ю.А. Решетов, П.С. Ромашкин, А.Н. Талалаев, А.Н. Трайнин, Г.И. Тункин, И.В. Фисенко, Дж. Флетчер, М. Bassiouni, В. Ferenz, К. Kittichaisaree, L. Henkin, A. Neier, B. Roling, A. Weisburd.

Нормативной основой (предметом) исследования явились международные пакты, договоры и конвенции, участницей которых является Российская Федерация (в том числе: Устав организации Объединенных Наций, Статут Международного Суда ООН, Римский Статут Международного уголовного суда, Определение агрессии, Устав Нюрнбергского военного трибунала, Парижский пакт об отказе от войны как орудия национальной политики (Пакт «Бриана-Келлога»), Женевский протокол о мирном разрешении международных споров, Устав Международного трибунала по бывшей Югославии, Женевские конвенции о защите жертв войны и Дополнительные протоколы к ним, Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, и другие); Конституция Российской Федерации 1993 года, Уголовный кодекс РФ 1996 года, федеральные конституционные и федеральные законы РФ (например, Федеральный закон РФ «О международных договорах Российской Федерации»), другие нормативные акты.

Кроме того, в диссертации проведен сравнительный анализ действующего конституционного и уголовного законодательства зарубежных стран (Великобритании, Германии, Нидерландов, Польши, Франции, США), касающегося изучаемой проблемы.

В процессе исследования изучены исторические памятники уголовного права РСФСР, СССР и ряда иностранных государств, а также исторические источники международного права.

Эмпирическую базу исследования составили результаты выборочно-исследования, проведенного в г. Ставрополе, Краснодаре и Ростове-на-Дону. По специально разработанной анкете опрошено 100 специалистов в области международного и уголовного права, а также руководителей ряда подразделений правоохранительных органов.

Проанализирована имеющая отношение к теме исследования практика Нюрнбергского и иных послевоенных трибуналов, ряд решений Международного Суда ООН и современных Международных трибуналов *ad hoc* (по бывшей Югославии и Руанде), а также Верховного Суда Российской Федерации.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые на монографическом уровне осуществлено комплексное научное исследование, посвященное анализу основания и пределов уголовной ответственности за агрессию по международному и российскому уголовному праву. При этом особое внимание уделено вопросам практического применения уголовно-правовых норм, содержащихся в ст. 353, 354 УК РФ, а также обоснованию теоретического отграничения составов агрессии от иных преступлений против мира и безопасности человечества.

Комплексная разработка данной темы осуществлена путем анализа сущностного характера социальной обусловленности уголовной ответственности за совершение актов агрессии, а также системного анализа объективных и субъективных признаков агрессии как преступления против мира и безопасности человечества по международному и национальному уголовному праву.

Основные положения и выводы, выносимые на защиту:

1. Социально-историческая обусловленность установления уголовной ответственности за агрессию в международном уголовном праве и в национальном уголовном законодательстве России, произошедшей после Второй мировой войны, но имеющей гораздо более глубокие исторические корни.

2. Двойственное понимание преступления агрессии в международном праве: а) с одной стороны, как преступления, совершаемого государствами (или юридическими лицами), за которое они несут ответственность по

международному публичному праву; б) с другой стороны - как преступления, совершаемого физическими лицами, за которое установлена их индивидуальная ответственность в международном уголовном праве. Двойственная природа преступления агрессии в международном праве основана на несовпадении юридических категорий «субъект преступления» и «субъект ответственности» при совершении актов агрессии государством (юридическим лицом) и, соответственно, совпадении данных категорий при совершении актов агрессии физическими лицами.

3. Необходимость признания субъектом любых актов агрессии в международном и национальном уголовном праве любого индивида, вне зависимости от должностного статуса.

4. Определение актов агрессии как любого преступного деяния, обладающего следующими признаками:

а) вооруженное нарушение состояния мира между государствами (группами государств) вопреки положениям Устава ООН;

б) совершение с целью нарушения государственного суверенитета, территориальной целостности или политической независимости другого государства (группы государств);

в) влекущее de facto и (или) de jure состояние войны между государствами (группами государств);

г) влекущее индивидуальную ответственность виновных по международному уголовному праву.

5. Обоснование решающей роли предписаний международного права в вопросе о пределах регламентации уголовной ответственности за совершение актов агрессии на национальном уровне. Разрешение юридических коллизий уголовно-правового характера при применении ст.ст. 353,354 УК РФ должно строиться в соответствии с действующими для России актами международного права.

6. Сближение положений современного уголовного законодательства различных стран в вопросе об уголовной ответственности за агрессию на основе норм международного права.

7. Комплексное понимание интересов обеспечения мира и безопасности человечества как родового объекта национальной уголовно-правовой охраны. Состояние международного мира как непосредственный объект посягательства актов агрессии.

8. Наличие в уголовном законодательстве России трех составов преступлений, образующих комплексное понимание «преступлений агрессии» по национальному уголовному праву, а именно: планирование, подготовка,

развязывание агрессивной войны (ч. 1 ст. 353 УК РФ); ведение агрессивной войны (ч. 2 ст. 353 УК РФ); публичные призывы к развязыванию агрессивной войны (ст. 354 УК РФ). Самостоятельный характер объективных и субъективных признаков указанных составов преступлений. Общее соответствие уголовного законодательства России положениям международного права о преступности актов агрессии.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее положения и выводы могут быть использованы для совершенствования уголовного законодательства Российской Федерации в плане установления ответственности за совершение преступлений против мира и безопасности человечества.

Результаты настоящего исследования могут быть использованы также в учебном процессе и научных исследованиях по тем вопросам Общей и Особенной частей уголовного права, которые сопряжены с проблемами взаимодействия международного и национального уголовного права, регламентации уголовной ответственности за преступления против мира и безопасности человечества.

Апробация результатов исследования. Положения и выводы диссертации отражены в трех научных статьях. Теоретические выводы и положения докладывались на межвузовских конференциях и семинарах в г. Москве, Краснодаре, а также на Ученом совете и заседаниях кафедры уголовного права Ставропольского государственного университета.

Результаты проведенного исследования внедрены в учебный процесс юридических факультетов Ставропольского государственного университета и Северо-Кавказского социального института при преподавании курса Особенной части уголовного права (тема «Преступления против мира и безопасности человечества»), а также специализированного курса (курса по выбору) «Международное уголовное право».

Структура диссертации отвечает основным целям и предмету исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав (шести параграфов) и заключения. Завершает работу список использованных источников и литературы. Диссертация оформлена в соответствии с требованиями ВАК России.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Глава I Агрессия как преступление по международному уголовному праву.
В первом параграфе рассмотрено историческое развитие доктрины о преступности международной агрессии.

Отмечается, что представление о противоправности агрессивной войны было присуще международному праву со времени его зарождения. Уже в трудах «отцов международного права» (Ф. де Витториа, Б. Айала, Г. Гроций) говорилось, что справедливой, дозволенной войной может быть лишь война, начатая в ответ на нарушение права.

Однако разрабатывалась и иная концепция понимания войны, в том числе и агрессивной, основной мыслью которой было признание дозволенности любой войны в силу того, что «война является борьбой между нациями». К счастью, данная доктрина не нашла поддержки. Так, выступая на Нюрнбергском процессе, главный обвинитель от США Р. Джексон (R. Jackson) сказал: «Эпоха империалистической экспансии в течение XVIII и XIX вв. вызвала к жизни отвратительную доктрину, противоположную учениям таких ученых ... международного права, как Гроций, которая гласила, что все войны должны рассматриваться как законные».¹

На рубеже XIX-XX вв. под влиянием сторонников доктрины преступности агрессивной войны в Гаагских конвенциях и положениях (1899 и 1907 гг.) было заявлено, что договаривающиеся стороны будут «искать наиболее эффективные средства обеспечить народам прочный мир», а также подписаны протоколы о намерениях мирного урегулирования международных споров. Но только по итогам I Мировой войны был принят ряд документов, в которых юридически запрещалась агрессивная война либо предлагалось такое запрещение. Устав Лиги Наций стал первым документом, где на межгосударственном уровне содержалось обязательство не прибегать к войне как средству разрешения международных споров (ст. 10).

В 1928 году был подписан Парижский пакт об отказе от войны как орудия национальной политики (пакт «Бриана-Келлога»), в котором осуждалось обращение к войне для урегулирования международных споров и провозглашался отказ от войны как качества орудия национальной политики.

Наиболее серьезное влияние на развитие концепции преступности агрессивной войны оказало создание и функционирование Нюрнбергского Международного военного трибунала.

В его Уставе² были сформулированы нормы о составах тяжчайших международных преступлений - против мира и человечности, военных преступлений. При этом преступлениями против мира были признаны планирование,

¹ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов в 7 томах. Т. 1. - М., 1957. - С. 138.

² Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. - М., 1955. - Вып. 11. - С. 165-172.

подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны, а также участие «в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеизложенных действий». В этом же документе впервые был установлен принцип индивидуальной уголовной ответственности за совершение любого акта агрессивной войны.

В международном праве в послевоенный период продолжилось формирование понимания агрессии как наиболее тяжкого преступления против мира, совершение которого должно влечь индивидуальную ответственность по международному уголовному праву. Среди международно-правовых актов, прямо запрещающих агрессивную войну, в первую очередь следует отметить Устав ООН, Определение агрессии как международного преступления от 14 декабря 1974 года³ (далее — Определение агрессии).

Наконец, в 1998 году был принят Римский Статут Международного уголовного суда⁴ (Далее - Римский Статут), призванного осуществлять правосудие в отношении лиц, совершивших преступления против человечности, агрессию, геноцид, военные преступления.

Таким образом, к началу XXI века в международно-правовой доктрине и актах международного права прочно укоренилось понимание того, что агрессивная война является тягчайшим международным преступлением против всеобщего мира.

Во втором параграфе исследована **проблема понимания преступления агрессии в современном международном уголовном праве.**

Казалось бы, что за более чем пятьдесят лет в доктрине международного уголовного права понимание агрессии (или агрессивной войны) устоялось однозначное понимание данного преступления и его признаков. Однако, к сожалению, это не совсем так - и дальнейшее развитие международного уголовного права вновь породило проблему понимания самого определения агрессии, признаков состава данного преступления и субъектов уголовной ответственности за его совершение.

Изо всех преступлений, отнесенных к компетенции Международного уголовного суда (ст. 5 Римского Статута), преступление агрессии исключительно по многим моментам. У него нет дефиниции, отсутствует зафиксированный список деяний, являющихся проявлениями агрессии, отсутствует перечень конститутивных элементов состава. Согласно Уставу ООН, Совет Безопасности обладает исключительной компетенцией определять

³ Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на 29-й сессии 17 сентября - 18 декабря 1974 года. Т. 1. - Нью-Йорк, 1975. - С. 181-182.

⁴ A/CONF/183/9. Russian.

факт совершения акта агрессии (ст. 39). В Римском Статуте предусматривается, что окончательный текст, касающийся определения признаков преступления агрессии, должен согласовываться с соответствующими положениями Устава ООН.

Основные разногласия в понимании преступления агрессии заключаются в следующем: 1) как должно быть определено преступление агрессии по международному уголовному праву; 2) кто должен нести уголовную ответственность за совершение преступления агрессии.⁵

Об определении агрессии как преступления против мира.

Первый вопрос касается того, как преступление агрессии должно быть определено, а второй вопрос касается той роли, которую Совет Безопасности ООН должен играть в определении акта агрессии.

Общее определение агрессии, согласно мнения сторонников такой позиции, просто требует закрепления предшествующего определения акта агрессии, данного Советом Безопасности ООН и состоит из списка следующих деяний: запрещенное планирование, подготовка, развязывание и ведение агрессивной войны.

Сторонники более детального перечня актов агрессии настаивают на определении того, какие именно действия государств должны интерпретироваться как агрессия.

Абстрактный запрет на агрессию, содержащийся в Уставе ООН как посягательства на «территориальную неприкосновенность и политическую независимость» государств привел к тому, что под определение агрессии как «любого нарушения мира» стали не подпадать проявления «непрямой агрессии»: такие, например, как внешнее вмешательство в вооруженные столкновения внутригосударственного характера.

В Определении агрессии последней признается применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом ООН.

Более того, в ст. 2 Определения агрессии указано, что применение вооруженной силы государством первым в нарушение Устава ООН является *prima facie* («доказательством, достаточным при отсутствии опровержения») свидетельством акта агрессии, «хотя Совет Безопасности может в соответствии с Уставом сделать вывод, что определение о том, что акт агрессии был совершен, не будет оправданным в свете других соответствующих

⁵ См.: *Ferertz B. Can Agression be Deterred by Law // Pace International Law Review. - 1999. - P. 310-311.*

обстоятельств, включая тот факт, что соответствующие акты или их последствия не носят достаточно серьезного характера».

Однако самым позитивным моментом явился тот факт, что данное Определение перечислило перечень конкретных деяний, которые образуют преступление агрессии. В соответствии со ст. 3 Определения агрессии, в качестве акта агрессии расценивается любое деяние, *вне зависимости от объявления состояния войны*, а именно:

а) вторжение или нападение вооруженных сил государства на территорию другого государства или любая военная оккупация, какой бы временный характер она ни носила, являющаяся результатом такого вторжения или нападения, или любая аннексия с применением силы территории другого государства или части ее;

б) бомбардировка вооруженными силами государства территории другого государства или применение любого оружия государством против территории другого государства;

в) блокада портов или берегов государства вооруженными силами другого государства;

д) нападение вооруженными силами государства на сухопутные, морские или воздушные силы или морские и воздушные флоты другого государства;

е) применение вооруженных сил одного государства, находящихся на территории другого государства по соглашению с принимающим государством, в нарушение условий, предусмотренных в соглашении, или любое продолжение их пребывания на такой территории по прекращении действия соглашения;

ф) действие государства, позволяющего, чтобы его территория, которую оно предоставило в распоряжение другого государства, использовалась этим другим государством для совершения акта агрессии против третьего государства;

г) засылка государством или от имени государства вооруженных банд, групп и регулярных сил или наемников, которые осуществляют акты применения вооруженной силы против другого государства, носящие столь серьезный характер, что это равносильно перечисленным выше актам, или его значительное участие в них.

По мнению автора, каждое из названных деяний необходимо расценивать в качестве *самостоятельного и альтернативного* проявления агрессии как преступления по международному праву.

Показательно, что в этом утверждении с нами согласились почти все (95%) опрошенных респондентов.

Особенно важным является то обстоятельство, что перечень названных актов *не является исчерпывающим*: «Совет Безопасности может определить, что другие акты представляют собой агрессию согласно положениям Устава» (ст. 4 Определения агрессии).

Кроме того, акты международного права прямо говорят о наличии вполне определенных целей при совершении любого акта агрессии (нарушение государственного суверенитета, территориальной целостности, политической независимости государства или группы государств).

Объективизация указанных целей при совершении агрессии состоит в том, что любой такой акт осуществляется вопреки (не в соответствии) с положениями Устава ООН. Так, применение вооруженной силы, вплоть до занятия территории другого государства, ограничения суверенитета и независимости последнего, возможны в целях самообороны или коллективной обороны государств-членов ООН (ст. 51 Устава ООН), а также с санкции Совета Безопасности для обеспечения и поддержания мира либо «подавления» актов агрессии.

Однако, все определения агрессии были выработаны применительно к вооруженным столкновениям государств как субъектов международного публичного права. Но именно такое понимание агрессии стало адаптироваться непосредственно в международном уголовном праве при определении преступности и пределов ответственности за совершение отдельными лицами преступлений против мира и безопасности человечества.

Так, Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, дублируя в качестве деяний, образующих состав агрессии, перечень Определения агрессии, содержит принципиально важное положение о том, что лицо, совершившее любое преступление против мира и безопасности человечества, несет за это индивидуальную уголовную ответственность и подлежит наказанию (ст. 3). В то же время, «судебное преследование какого-либо лица за преступление против мира и безопасности человечества не освобождает государство от ответственности по международному праву» (ст. 5).

Таким образом, позволительно утверждать, что в международном уголовном праве сформировался перечень деяний, расцениваемых в качестве актов агрессии. Более того, можно говорить о том, что в международном праве акт агрессии может расцениваться двояко: как преступление, совершаемое индивидуально определенными лицами, и как преступление, совершаемое государствами и (или) корпоративным субъектом.

Само существование такой дилеммы в понимании агрессии как преступления по международному праву порождает вопрос о том, кто и как несет ответственность за совершение акта агрессии?

Об определении круга субъектов уголовной ответственности за совершение агрессии.

Одним из основополагающих принципов современного международного уголовного права является принцип индивидуальной уголовной ответственности за совершение международных преступлений. Данный принцип полностью применим к определению субъектов уголовной ответственности за совершение актов агрессии, так как «лицо, которое совершило преступление, подпадающее под юрисдикцию Суда, несет индивидуальную ответственность и подлежит наказанию в соответствии с настоящим Статутом» (ч. 2 ст. 25 Римского Статута).

Тем не менее, в литературе имеются указания на необходимость признания государства и юридических лиц субъектами преступления агрессии (равно, как и субъектами других преступлений против мира и безопасности человечества) по международному уголовному праву.

Очевидно, что многие преступления против мира и безопасности человечества совершаются от лица государства (в том числе, например, развязывание и ведение агрессивной войны). Но может ли государство нести уголовную ответственность?

Не смотря на различные точки зрения, нормы действующего международного права не предусматривают ответственность государства по международному уголовному праву как таковому.

Таким образом, государство может совершить преступление агрессии в международном праве, но не может подвергаться ответственности по международному уголовному праву, неся международно-правовую ответственность. В данном случае мы имеем дело с несовпадением понятий «субъект преступления агрессии» и «субъект ответственности за агрессию».

Концепция уголовной ответственности государств за совершение преступления агрессии существует лишь в доктринальных разработках. Эта ответственность выходит за рамки традиционной обязанности возместить ущерб и предусматривает меры превентивного характера и меры наказания. По справедливому замечанию, «указанные меры носят репрессивный характер, но уголовными (на сегодняшний день) они не являются».⁶

Практически таким же образом обстоит дело и с признанием юридического лица субъектом преступления агрессии по международному уголовному праву.

В принципе, в международном уголовном праве возможно установление именно *уголовной* ответственности юридических лиц за совершение

⁶ См.: Кибальник А.Г. Преступление и ответственность в международном уголовном праве. - Ставрополь, 2002. - С. 74.

преступления агрессии, но это дело будущего. Диссертант полагает, что юридические лица должны быть признаны официально субъектом уголовной ответственности за совершение агрессии по международному уголовному праву: таковое признание позволит более последовательно и эффективно реализовывать задачи международного уголовного права как в международной, так и в национальной юрисдикции.

В силу принципа индивидуальной ответственности лиц по международному уголовному праву, очевидно, что *общим субъектом* агрессии должен расцениваться любой человек, вне зависимости от каких-либо демографических, социальных, имущественных либо иных характеристик, совершивший это преступление и подлежащий ответственности по международному уголовному праву. Не только в теории, но и в решениях Международных трибуналов субъектами преступлений против мира и безопасности человечества безусловно признаются любые люди.⁷

Одним из самых ярких проявлений принципа индивидуальной ответственности лиц за совершение агрессии является непризнание иммунитета в качестве обстоятельства, препятствующего уголовному преследованию (ч. 2 ст. 27 Римского Статута).

Совершение агрессии во исполнение приказа.

Особым проявлением принципа личной ответственности в международном уголовном праве стало формулирование положения о недопустимости ссылки на приказ правительства или начальника, ставшее впоследствии самостоятельным принципом международного уголовного права.

Не вызывает сомнений тот факт, что многие акты агрессии совершались и совершаются во исполнение приказа, поэтому уже в ходе II Мировой войны и Уставе Нюрнбергского трибунала были обоснованы положения о недопустимости ссылки на приказ.

В принятых в последнее время документах международного права содержится перечень обстоятельств, освобождающих исполнителя приказа от уголовной ответственности. При этом должны быть соблюдены все такие требования, а именно: 1) исполнитель был обязан исполнить приказ правительства или начальника; 2) исполнитель не знал, что приказ был незаконным или сам приказ не носил явно незаконного характера. Несоблюдение этих критериев является основанием для привлечения исполнителя приказа к ответственности по международному уголовному праву.

⁷*Prosecutor v. Kayishema and Ruzindana*. Case № ICTR-95-1. 21 May 1999. - § 175; *Prosecutor v. Alfred Musema*. Case № ICTR-96-13-T. - 27 January 2000. § 264.

Однако, в силу ч. 2 ст. 33 Римского Статута, приказ о совершении акта геноцида или любого преступления против человечности всегда расценивается как явно незаконный. Это означает, что исполнитель такого приказа (в силу очевидной преступности последнего) не может освобождаться от ответственности ни при каких обстоятельствах. Очевидность преступности приказа означает, что любой человек должен понимать де-факто, что ему отдан приказ о совершении преступления и оно, исполняя такой приказ, также совершает преступление.

Автор обосновывает позицию о том, что принцип недопустимости ссылки на приказ, как он сформулирован в ст. 33 Римского Статута, должен в полной мере распространяться при квалификации актов агрессии, как они определены в международном уголовном праве. Следовательно, если *лицо совершает акт агрессии, оно должно подвергаться уголовной ответственности без каких-либо ссылок на исполнение приказа в силу очевидной преступности данного деяния*. Необходимость распространения положений ч. 2 ст. 33 Римского Статута в отношении агрессии преступлений поддержали более 60% наших респондентов.

Покушение на совершение агрессии и соучастие в агрессии.

Проявлением принципа индивидуальной ответственности в международном уголовном праве является самостоятельная регламентация ответственности лица за покушение на совершение преступления агрессии и соучастие в совершении данного преступления.

П. а (й) ст. 6 Устава Нюрнбергского Трибунала определяет, что является преступлением против мира не только планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений, но *и участие в общем плане или заговоре*, направленных к осуществлению любого из этих действий. Здесь же прямо говорится о существовании таких видов соучастников в преступлении агрессии, как исполнитель, руководитель, организатор, подстрекатель и пособник.

Предлагая определение агрессии как преступления против всеобщего мира по международному уголовному праву, диссертант исходит из следующих сформулированных выше посылок:

1. Перечень актов агрессии не является исчерпывающим. Агрессия, в свою очередь, может быть прямой (объявленной) и скрытой, косвенной (необъявленной).

2. Акт агрессии порождает состояние военного столкновения между государствами (группами государств).

3. Акт вооруженного вторжения не может расцениваться как агрессия, если совершен в порядке самообороны или коллективной обороны, либо в соответствии с положениями Устава ООН.

4. Акт агрессии преследует вполне определенные цели, как они сформулированы в документах международного права.

5. За совершение акта агрессии наступает уголовная ответственность индивидуальных лиц в соответствии с действующими нормами международного права.

На основе вышеизложенного агрессию как преступление против всеобщего мира предлагается определить как *любое деяние, выраженное в прямом или косвенном вооруженном нарушении государственного суверенитета, территориальной целостности или политической независимости другого государства (группы государств) вопреки положениям Устава ООН, создающее de facto и (или) de jure состояние войны между государствами (группами государств), и влекущее индивидуальную ответственность виновных.*

Данное определение агрессии по международному уголовному праву нашло поддержку у 75% опрошенных респондентов - специалистов в области международного и национального уголовного права.

Глава II. Агрессия как преступление по российскому уголовному праву.

В первом параграфе исследованы принципы и способы влияния международного уголовного права на определение преступности агрессии в национальном уголовном праве.

Отмечается, что международное уголовное право оказывает весьма существенную роль на определение во внутреннем законодательстве преступности деяний, считающихся проявлениями агрессии.

В настоящее время в науке международного права возобладал дуалистический подход в понимании соотношения внутрис государственного и международного права: если влияние норм внутреннего права можно назвать первичным (так как государство исходит при создании норм международного права из положений собственного законодательства), то при наличии уже действующих правовых норм международного характера оно не может не признавать их преимущественного значения над нормами внутреннего права. Такое положение вещей отражено в основополагающих документах международного права.

В настоящее время большинство отечественных авторов считает международные договоры России источниками ее уголовного права, а это означает, что определение преступления агрессии в международном праве

должно расцениваться как соответствующее преступление по национальному уголовному закону.

Такое понимание соотношения двух правовых систем - международной и внутригосударственной — нашло законодательное оформление в конституциях большинства развитых государств, в том числе в ч. 4 ст. 15 Конституции России.

Наиболее универсальным способом применения международного уголовного права является восприятие нормами Уголовного закона предписаний международного права. Такое восприятие может быть проведено по существу тремя путями: 1) путем текстуального включения нормы международного права в уголовное законодательство во исполнение международного договора; 2) путем включения нормы международного права в уголовное законодательство, причем предписание международного договора не устанавливает жесткой формы восприятия его предписания во внутригосударственное право; 3) путем изменения уже существующих норм уголовного законодательства во исполнение международного договора.

Далее в диссертации рассмотрена процедура, согласно которой международно-правой акт воздействует на Российский Уголовный закон.

Диссертант отмечает, что буквальное сопоставление положений ст.ст. 353, 354 УК РФ и международно-правовых документов позволяют утверждать, что нормы российского уголовного права, определяющие преступление агрессии являются имплементированными из соответствующих положений международного уголовного права.

Таким образом, УК РФ включает в себя *несколько самостоятельных составов*, являющихся проявлениями агрессии по национальному праву: результатом имплементации стало адаптирование положений международного права, устанавливающих преступность агрессии, в соответствующие им нормы российского уголовного законодательства, не имеющие прямых («буквальных») аналогов в международном праве.

Также в силу прямого указания международного права (Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества от 26 ноября 1968 года⁸) в ст.ст. 78, 83 УК РФ продублировано положение о неисчислении сроков давности уголовной ответственности и обвинительного приговора, за совершение преступления, предусмотренного ст. 353 УК РФ.

Воздействие международного уголовного права на национальное в виде имплементации нормы о преступлении агрессии характерно для уголовного

⁸ Ведомости Верховного Совета СССР. - 1971. - № 2. - Ст. 18.

законодательства зарубежных стран. На основе сопоставительного анализа конституционного и уголовного законодательства ряда стран (Великобритании, Германии, Польши, Франции, США, Швеции и других) сделан вывод о том, что международное уголовное право способствует унификации определения преступности агрессии в национальном уголовном законодательстве стран различных правовых систем.

Второй параграф посвящен выработке понимания **мира и безопасность человечества как объектов национальной уголовно-правовой охраны.**

Международно-правовые акты и национальное уголовное законодательство обычно не раскрывают понимания «мира и безопасности человечества», констатируя, что преступления против этих интересов «относятся к самым тяжелым». Большинство отечественных авторов, характеризуя преступления против мира и безопасности человечества, ограничиваются простой констатацией того факта, что объектом этих деяний являются названные общественные отношения и интересы.

В то же время юридическое понимание «мира и безопасности человечества» можно определить, исходя из понимания противоположных состояний человеческого общества и предписаний национального законодательства России. Последнее тем более допустимо, так как действующее международное право признает возможность признания положений национального законодательства в качестве «применимого права» (п. «с» ч. 1 ст. 21 Римского Статута).

Общеизвестно, что мир – это юридическое состояние, характеризующееся отсутствием войны. При этом неважно, объявлены военные действия де-юре или нет: в соответствии с Определением агрессии, состояние международного мира имеет место при отсутствии военных действий де-факто.

Таким образом, *мир* как охраняемое международным правом благо представляет собой такое состояние, которое характеризуется отсутствием фактических военных действий между государствами (группами государств).

А вот юридическое содержание термина «безопасность» непосредственно определено в действующем федеральном законодательстве России. Так, ст. 1 Закона РФ «О безопасности» от 5 марта 1992 года⁹ указывает, что «безопасность» – это «состояние защищенности жизненно важных интересов ... от внутренних и внешних угроз».

Исходя из целостного понимания преступлений против мира и безопасности, определенных в международном и национальном праве, видно, что эти «жизненно важные угрозы» ставят в опасность физическое суще-

⁹ Российская газета. – 1992, 6 мая.

ствование всего человечества в целом. Таким образом, *безопасность человечества* как охраняемый уголовным правом интерес (объект) представляет собой состояние защищенности человечества в целом от угроз их физическому существованию, исходящих от субъектов уголовного права. При этом надо еще раз подчеркнуть, что безопасность человечества вовсе не связана с фактом наличия либо отсутствия юридического состояния войны между государствами.

Отмечается, что особенностью большинства международных преступлений является то, что они обычно являются многообъектными - то есть вред причиняется одновременно нескольким непосредственным объектам. Однообъектное преступление в данной отрасли - скорее исключение, чем правило.

Действительно, например, в преступлении агрессии, всегда и изначально вместе с интересами всеобщего мира и безопасности всего человечества будет причиняться вред (создаваться угроза причинения вреда) интересам жизни и здоровья людей, интересам собственности (которая становится или может стать объектом разрушений и т.п.)

Автор доказывает положение, что теоретико-юридическим основанием для выделения категории преступлений против мира среди преступлений против мира и безопасности человечества является то обстоятельство, что *непосредственным объектом преступлений против мира признаются охраняемые общепризнанными принципами международного права и международным правом интересы соблюдения всеобщего мира и правил мирного урегулирования межгосударственных споров.*

Исходя из данной посылки, диссертант полагает, что преступление против мира, сопряженное с преступлением против человечности либо военным преступлением должно получать самостоятельную правовую оценку - то есть данные деяния должны квалифицироваться по совокупности. Основанием для данного вывода является признание интересов соблюдения принципов мирного сосуществования государств и разрешения межгосударственных споров в качестве основного непосредственного объекта агрессии как преступления против мира.

На основе приведенных в диссертации рассуждений автор делает вывод: под интересами мира и безопасности человечества как родовым объектом национальной уголовно-правовой охраны надо признавать *определенные в общепризнанных принципах и нормах международного права интересы обеспечения мирного сосуществования государств и мирного разрешения межгосударственных споров, а также интересы обеспечения физического существования неопределенного круга лиц от любых угроз, источником которых является человеческий фактор.*

С таким определением интересов мира и безопасности человечества как объекта уголовно-правовой охраны согласились почти 70% респондентов.

В третьем параграфе рассмотрены **общие положения о преступности агрессии в российском уголовном праве.**

Отмечается, что российское уголовное законодательство, описывая преступность актов агрессии, употребляет термин «агрессивная война». Однако, нет никаких сомнений в том, что термины «агрессия» и «агрессивная война» тождественны, что прямо следует из норм международного права.

Следуя конституционному принципу приоритета норм международного права и положениям ч. 2 ст. 1 УК РФ («Настоящий кодекс основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных нормах и принципах международного права»), понимание «агрессивной войны» должно совпадать с пониманием «агрессии» («актов агрессии»), как последнее определено в международном уголовном праве.

При этом необходимо учитывать то обстоятельство, что Определение агрессии 1974 года устанавливает то или иное проявление данного преступления в том случае, если акт агрессии осуществляется государством. Поэтому говоря об актах агрессии как уголовно-правовых деяниях, преследуемых по национальному законодательству, автор исходит из принципа личной (индивидуальной) ответственности лиц, провозглашенного как в источниках международного уголовного права (Римский Статут, Устав Нюрнбергского трибунала, Уставы Трибуналов по бывшей Югославии и Руанде, Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества), так и в статьях 5 и 20 УК России.

Следовательно, под агрессивной войной (агрессией) как преступным деянием по национальному уголовному праву необходимо признавать альтернативное совершение любого из следующих деяний:

а) вторжение или нападение вооруженных сил на территорию другого государства;

б) любую военную оккупацию, какой бы временный характер она ни носила, являющуюся результатом вторжения или нападения вооруженных сил на территорию другого государства,

в) любую аннексию территории другого государства или части ее, совершенную с применением военной силы;

г) бомбардировку вооруженными силами территории другого государства или применение любого оружия против территории другого государства;

д) блокаду портов или берегов другого государства вооруженными силами;

е) нападение вооруженными силами на сухопутные, морские или воздушные силы или морские и воздушные флоты другого государства;

ж) применение вооруженных сил, находящихся на территории другого государства по соглашению с принимающим государством, в нарушение условий, предусмотренных в соглашении, или любое продолжение их пребывания на такой территории по прекращении действия соглашения;

з) предоставление территории для совершения акта агрессии против третьего государства;

и) засылку государством или от имени государства вооруженных банд, групп и регулярных сил или наемников, которые осуществляют акты применения вооруженной силы против другого государства, равносильных перечисленным выше актам.

При этом надо помнить о том, что в международном праве перечень актов агрессии не является исчерпывающим - не должен он быть таковым и в российском уголовном праве. Соответственно, если международно-правовой акт определит иное деяние, являющееся проявлением агрессии, это деяние должно автоматически расцениваться как акт агрессивной войны в национальном праве.

Подобное понимание агрессивной войны (агрессии) как деяния по российскому уголовному праву разделили 72% опрошенных респондентов.

Далее автор пытается ответить на вопрос: сколько составов агрессии содержится в уголовном законодательстве России? На первый взгляд, преступность актов агрессии в УК РФ определена в ст.ст. 353, 354 - соответственно, сам собой напрашивается вывод о наличии в отечественном уголовном законодательстве двух составов агрессии. Однако диссертант обосновывает позицию, согласно которой, ведение агрессивной войны (ч. 2 ст. 353 УК РФ) нельзя расценивать как квалифицирующий признак состава, предусмотренного ч. 1 ст. 353 УК РФ, а в ст. 353 УК РФ содержатся *два самостоятельных состава* преступления.

Следовательно, преступление агрессии в российском уголовном праве образуют три самостоятельных состава преступления: планирование, подготовка или развязывание агрессивной войны (ч. 1 ст. 353 УК РФ); ведение агрессивной войны (ч. 2 ст. 353 УК РФ); публичные призывы к развязыванию агрессивной войны (ст. 354 УК РФ).

При этом состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 353 УК РФ, характеризуется наличием альтернативных признаков (планирование, подготовка или развязывание агрессивной войны) — это означает, что уголовная ответственность должна наступать при совершении виновным любого из указанных деяний.

Все акты агрессивной войны в российском уголовном законодательстве представляют собой *действия* с точки зрения учения об объективной

стороне преступления, а особенность объективной стороны многих из актов агрессии является то, что деяния в виде планирования, подготовки, ведения агрессивной войны носят *длящийся характер*.

Один из самых спорных моментов в отечественной доктрине уголовного права связан с определением круга *субъектов* преступлений, предусмотренных в ч.ч. 1,2 ст. 353 и ст. 354 УК РФ.

В отечественной литературе распространена позиция об ответственности по ч. 1 ст. 353 УК РФ специального субъекта (руководителей государства и т.п.) На основе анализа норм международного права, доктрины специального субъекта в отечественном уголовном праве утверждается, что субъект планирования, подготовки и развязывания агрессивной войны по отечественному уголовному праву является *общим*, т.е. ответственности по ч. 1 ст. 353 УК РФ может подлежать любое вменяемое физическое лицо, достигшее на момент совершения деяния возраста 16 лет. Аналогичным образом обстоит дело с признанием круга субъектов ведения агрессивной войны (ч. 2 ст. 353 УК РФ) и основного состава публичных призывов к развязыванию агрессивной войны (ч. 1 ст. 354 УК РФ).

На наличие *специального* субъекта указывает только квалифицированный состав публичных призывов к развязыванию агрессивной войны (ч. 2 ст. 354 УК РФ), где альтернативным отягчающим обстоятельством признается совершение данного преступления лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации либо государственную должность субъекта Российской Федерации.

Анализируя *субъективную сторону* составов преступлений, предусмотренных в ч.ч. 1,2 ст. 353 и ст. 354 УК РФ, диссертант приходит к выводу, что все эти преступления совершаются только с прямым умыслом; мотивы и цели их совершения юридического значения для квалификации не имеют.

В четвертом параграфе изучены **виды преступления агрессии в российском уголовном праве**, как они определены диссертантом. Предлагаемые определения деяний проиллюстрированы многочисленными решениями международных судов и историческими документами.

Планирование, подготовка и развязывание агрессивной войны.

Под *планированием* агрессивной войны автор предлагает понимать совершение любого действия интеллектуального характера, ставящего своей целью достижение целей такой войны. А частными проявлениями планирования могут расцениваться разработка стратегии и тактики ведения военных действий, военной концепции в целом, идеологического обоснования агрессии, мобилизационных планов и т.п.

В отличие от планирования, *подготовка* агрессивной войны подразумевает совершение любых конкретных действий, направленных на реализацию

выработанных планов агрессии, реальное осуществление комплекса мер и мероприятий организационно-военного и материально-технического характера в целях обеспечения готовности к началу ведения агрессивной войны.

Развязывание агрессивной войны представляет собой начало конкретных действий по ее ведению, как с объявлением начала войны так и без такового. Обычно в литературе утверждается, что развязывание агрессии является «вероломным» актом, совершаемым вопреки наличию двух- и многосторонних мирных договоров (так, например, расценивается нападение Германии на СССР 22 июня 1941 года, совершенное в нарушение советско-германского Пакта о ненападении 1939 года). Диссертант полагает, что любой акт развязывания агрессивной войны должен ставить целью ее дальнейшее ведение, а не быть просто актом спорадического агрессивного применения военной силы против другого государства (государств).

Ведение агрессивной войны является продолжением агрессивной войны после факта ее развязывания. Это преступление может выражаться в полно- и широкомасштабной агрессии против другого государства в виде наступления, нападения, вторжения на его территорию с целью захвата или иными агрессивными целями. Автор считает, что ведением агрессивной войны может быть необъявленное ведение военных действий против другого государства *de facto* - ведь юридически акт агрессии констатируется вне зависимости от объявления состояния войны.

Кроме того, совершение военных преступлений в ходе ведения агрессивной войны всегда должно получать самостоятельную правовую оценку - т.е. содеянное должно квалифицироваться по совокупности преступлений.

Публичные призывы к развязыванию агрессивной войны необходимо, в первую очередь, отграничивать от подстрекательства к развязыванию агрессивной войны, которое является соучастие в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 353 УК РФ. Далее диссертант излагает критерии такого отграничения.

На основании анализа источников и литературы, диссертант предлагает определить публичные призывы к развязыванию агрессивной войны как совершение виновным в любой форме двух и более обращений к неопределенному кругу лиц с целью сформировать у последних убеждение в необходимости развязывания (инициирования) агрессивной войны в отношении другого государства (государств).

Далее анализируется квалифицирующий признак данного преступления - его совершение в средствах массовой информации.

В заключении сформулированы основные итоги и выводы исследования.

ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ ОПУБЛИКОВАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ РАБОТЫ:

1. Малахова О.В. Развитие доктрины о преступности международной агрессии до начала XX века (научная статья) // Труды юридического факультета Ставропольского государственного университета. Вып. 2. - Ставрополь: СГУ, 2003. (0,3 п.л.)

2. Малахова О.В. Проблема определения агрессии в Римском Статуте Международного уголовного суда (научная статья) // Труды юридического факультета Ставропольского государственного университета. Вып. 2. - Ставрополь: СГУ, 2003. (0,2 п.л.)

3. Малахова О.В. Понимание преступности агрессии в российском уголовном праве (научная статья) // Труды юридического факультета Ставропольского государственного университета. Вып. 3. - Ставрополь: СГУ, 2003. (0,4 п.л.)

